

ГЛАВА 16. ЗМЕИНЫЙ СВИТОК. ЧАСТЬ 14

«Ну что ж, у каждого ведь бывают такие дни, когда всё валится из рук и настроение на нуле», — философски рассудил Юй Цинъинь, почесывая затылок. Он попытался найти оправдание странному поведению Му Сибая: человека внезапно вырвали из объятий сна, да еще и в момент душевного разлада — тут кто угодно придет в ярость.

— Я немедленно исчезну и не стану более тревожить ваш покой, — поспешно добавил он.

В густой ночной тени угрюмый Му Сибай на миг выглядел беспомощным.

Юй Цинъинь, придерживая тяжелые, промокшие полы одежд, выбрался на берег. Короткий пасс рукой, всплеск магии — и ткань мгновенно стала сухой. Он уже собирался сотворить заклинание перемещения, чтобы сбежать из поместья Су и укрыться в родных стенах павильона Юйсюань, но Му Сибай остановил его на полуслове.

— Куда собрался?

— Э-э... на историческую родину? — ляпнул Цинъинь, тупо уставившись на него.

— Не смей.

Сибай стал еще более непроницаемым, чем обычно. За этими двумя короткими словами явно крылось нечто большее, но у Юй Цинъиня, чью голову всё еще туманил хмель, не было ни сил, ни желания разгадывать эти загадки.

— Ладно-ладно, как скажете, — он устало прижал ладонь ко лбу и покачал головой. — Спать так спать. Вино — штука коварная, голова раскалывается.

Он и сам не понимал, почему связался с этим загадочным смертным. Взаимная выгода? Но они не нуждались друг в друге физически, а о духовной близости и говорить не стоило — ведь в груди Цинъиня не было даже сердца.

Юй Цинъинь дотащился до своей комнаты и, не утруждая себя раздеванием, пластом рухнул на кровать. Сейчас он жаждал лишь одного: провалиться в глубокий сон, забыть о Цинхуань и Су Ицю, выкинуть из головы странности Му Сибая. Возможно, именно в мире грез его ждали ответы...

В прошлый раз он встретил настоящую Цинхуань именно во сне: то самое место, та самая чайная в Чанъане, где они когда-то заключили договор. Сны часто открывают двери в иные миры и даруют встречи с теми, кого не сыщешь наяву.

Едва уснув, Юй Цинъинь ощутил необычайную ясность сознания. Он оказался посреди бескрайнего изумрудного леса. Выбрав направление, он зашагал вперед, и вскоре впереди замаячили очертания крепостных стен и распахнутых ворот. Над ними красовалась надпись «Чанъань», начертанная уверенными, мощными штрихами, в которых чувствовалось величие столицы империи.

Цинъинь уверенно улыбнулся — всё шло по плану. Если не можешь найти кого-то наяву, ищи в грёзах. Эта способность, доставшаяся ему в нагрузку к контракту с павильоном Юйсюань, была весьма полезным приобретением.

Он предчувствовал, что именно в той чайной его ждет ключ к разгадке.

Легкой походкой он вошел в город. Знакомое двухэтажное здание чайной выглядело в точности так же, как в его памяти. Редкие прохожие, суетливые слуги, смех и говор посетителей... Время здесь словно застыло, превратив реальность в живую картину, написанную тушью.

Картина. Обычная картина.

Вспышка озарения заставила Цинъиня вздрогнуть. Он наконец вспомнил, о чем забыл: ему следовало просить Владыку Симина о помощи в расследовании. Пока он предавался запоздалым сожалениям, к нему подошли.

— Глава павильона, мы снова встретились.

Цинъинь обернулся. Перед ним стояла женщина в небесно-голубом платье. Длинные волосы свободно рассыпались по плечам, лицо было пугающе бледным, а губы — почти бескровными. В этот раз дождя не было, но от неё всё равно веяло сыростью и тяжелой, мрачной аурой. Однако она кротко улыбалась, что лишало её образ всякой угрозы.

— Цинхуань? Ты узнаешь меня?

Настоящая Цинхуань была именно такой. Та, «другая», хоть и обладала тем же лицом, не смогла бы подделать это неуловимое изящество и печаль.

— Вы шутите, господин? Разумеется, я узнаю вас, иначе зачем бы мне называть вас Главой павильона? — она улыбнулась, и прядь волос скользнула по её щеке.

— Это наша вторая встреча во сне, но далеко не вторая в жизни, — Цинъинь шагнул к ней, он стал предельно серьезен. — Ты помнишь, почему зовешь меня Главой?

При этом вопросе Цинхуань замерла.

— Ты помнишь моё имя? — Цинъинь внимательно следил за её реакцией.

— Вы...

Пустота внезапно захлестнула её. Цинхуань невольно отшатнулась, она изумилась, и это переросло в страх.

— Хм, всё ясно, — Цинъинь медленно надвигался на неё. — Юй Цинъинь. Это имя твоего контрактора, человека, с которым ты заключила сделку. И ты его забыла?

— Я не помню... ничего не помню...

— Но ведь не всё же, верно? Су Ицю ты ведь помнишь? — он горько усмехнулся. Как нелепо — забыть всё, кроме мужчины, который оказался столь бессердечен. — Тот день, морозящий дождь, тесная чайная лавка, где ты встретила молодого господина Су, искавшего укрытия от непогоды... Разве не это ты мне рассказывала?

Цинхуань смотрела на него с ужасом, словно забытые воспоминания начали насильно прорываться в её разум.

— Крохотная змеиная бессмертная... Ты дрогнула лишь потому, что Су Ицю написал твой портрет. Ты влюбилась и последовала за ним в мир смертных, нарушив ход его предначертанной судьбы. Вина твоя не так уж велика, но и пустяком её не назовешь.

Почему чувства так трудно искоренить? Память может стереться, но эмоции, кажется, проникают в костный мозг и продолжают управлять тобой даже тогда, когда разум пуст.

— Вы... вы пришли в мой сон, чтобы заставить меня всё вспомнить?

Она выглядела еще более изможденной, чем в начале их разговора. Она бессильно улыbnулась.

— Нет, я здесь ради себя, — Цинъинь скривился. — Если эта неразбериха продолжится, я останусь и без оплаты, и с кучей проблем. Поэтому, — он внезапно схватил её за руку, — ты должна покинуть этот сон и вернуться в свое тело.

— Не могу, — Цинхуань покачала головой, её взгляд наполнился отчаянием. — В том теле... сейчас моя сестра.

Услышав это, Цинъинь едва не задохнулся от ярости. Его перекосило так, что он едва удержался от весьма нелестных выражений. Что за напасть? К этой слезливой любовной драме решили добавить еще и семейные неурядицы? Знай он заранее, во что вляпается, ни за что бы не взялся за это дело.

— Не соизволишь ли объяснить, что это еще за «сестра» такая? — процедил он сквозь зубы.

— Цинси. Моя сестра-близнец, — Цинхуань виновато опустила голову.

— Ты — змеиная бессмертная, значит, и она тоже?.. — само существование внезапно всплывшего близнеца казалось в высшей степени подозрительным.

— Нет...

Цинхуань замаялась, явно скрывая какую-то тайну, и это окончательно вывело Циньиня из себя. Опять эти недомолвки, эта нерешительность! Что она пытается скрыть?

— Что, у сестры есть какой-то страшный секрет? Неужели вы потомки той самой Балинской змеи, которую сразил стрелой великий Хоу И?

Цинхуань промолчала, глубоко встревожившись. Циньинь засомневался: будь они потомками Балинской змеи, старейшины Небес никогда не оставили бы их в покое.

— Мы — потомки Сюнхуэя.

После долгой паузы она произнесла эти пять слов, от которых у Циньиня едва кровь не пошла горлом.

Сюнхуэй? Тот самый легендарный девятиглавый змей, что пожирал людей, чтобы насытить свое злое сердце? Потомок Сянлю, сраженного когда-то самим Великим Юем?!

О да, Циньинь определенно сорвал джекпот.

— Хочешь сказать, твоего папашу звали Сянлю? Ха-ха, госпожа Цинхуань, прекращайте эти шуточки, — он выдал из себя нервный смешок.

— Моего отца звали Сяньяо. Он внук Сянлю.

«...»

«Интересно, если я прямо сейчас пойду просить прощения у Симины, будет еще не поздно?» — пронеслось в голове у Циньиня.

Из дальнейшего рассказа он наконец воссоздал полную картину этой семейной драмы.

Цинхуань и Цинси были дочерьми свирепого Сюнхуэя и небесной змеиной бессмертной. Плод союза небожительницы и чудовища — две сестры-близнецы. Одна родилась с бессмертным корнем, другая — с демонической сутью. К несчастью, Небеса не терпят любви между богами и демонами, а рождение таких «нечистых» близнецов сочли дурным знамением. Когда об их связи стало известно, мать была изгнана в мир смертных, осужденная на тысячи кругов перерождений без права вновь обрести бессмертие. Отца же, за дерзость и сопротивление, наказали еще суровее: по приказу Небесного Императора Небесный Судья Ян Цзянь уничтожил его плоть и заточил душу в недрах горы Цзюньшань на озере Дунтинху. На веки вечные, без надежды на освобождение. Видимо, устыдившись собственной жестокости, Небеса позволили Цинхуань остаться в высших сферах, а её сестру Цинси бросили на произвол судьбы среди демонов. Раз уж за дело брался лично Небесный Судья, можно представить, какой скандал бушевал в те годы.

Циньинь подпер подбородок рукой, погрузившись в раздумья.

«Стоп... Небесный Судья — это же Эрлан-шэнь?»

Он помрачнел, а по спине пробежал холодок. Как ни крути, с делом Цинхуань нужно кончать, и как можно быстрее. Когда Симин пришел предупредить его о странностях в судьбе, это наверняка был намек от самого Ян Цзяня. Похоже, великий судья милостиво дал Циньиню шанс исправить ошибку.

Впрочем, до того как попасть в этот сон, Юй Циньинь, кажется, успел изрядно разозлить Ян Цзяня, не так ли?

— Цинхуань, я давно хотел спросить: почему ты так вцепилась в этого Су Ицю?

Голова у Циньиня шла кругом. Жизнь — штука чертовски сложная.

— Глава, понимаете ли вы, каково это? Когда из-за самой твоей природы окружающие видят в тебе лишь изгоя?

Понимал ли он? Циньинь никогда не задумывался об этом всерьез, хотя всегда знал, что он — иной. Даже если не брать в расчет это тело, больше похожее на пустую оболочку, его андрогинная внешность и двусмысленный статус явно не позволяли причислить его к «нормальным».

— Кто сказал, что Небеса — это обитель чистоты и радости, где нет места желаниям? Поверьте, происхождение и ранг там значат куда больше, чем в мире людей.

С этим трудно было спорить: во всех трех мирах порядки одни и те же.

— Когда живешь слишком долго, мир начинает казаться бесконечно скучным и бездушным. И

тогда здесь, — Цинхуань прижала ладонь к груди, — само собой рождается желание... умереть.

Она просто описывала свои чувства, но для Юй Циньиня эти слова прозвучали острее ножа.

Жить скучно, поэтому хочется смерти?

Это чувство было ему недоступно. Смерть для него была бы избавлением, которого достичь проще простого, ведь в его груди нет «сердца», способного удерживать изначальный дух. Любой бог или демон погибнет, если его сердце будет уничтожено — его душа просто рассеется. Так что для Циньиня смерть была естественным и легким финалом.

— Но после долгой стужи всегда приходит весенний ветер. Среди смерти рождается надежда, от которой невозможно отказаться.

— Ха! И кем ты считаешь Су Ицю? Не навязывай свои иллюзии другому человеку.

Су Ицю никогда не смог бы дать Цинхуань той любви, которую она себе придумала. Иначе зачем бы ему понадобилось добровольно спускаться в мир смертных для преодоления любовных невзгод?

— Пустые разговоры. Короче так: как только мы вышвырнем твою сестру из твоего тела, ты вернешься на свое место. Я намерен закончить этот затянувшийся сестринский фарс.

Цинхуань в тревоге хотела что-то возразить, но мир грез начал стремительно бледнеть. Юй Циньинь медленно возвращался в реальность.

<http://bllate.org/book/17464/1694919>